

ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА КАК КОМПОНЕНТ МЕДИАСРЕДЫ (на материале текстов публичных выступлений Б. Немцова)

Статья посвящена реконструкции образа мира политического деятеля на материале его выступлений – неподготовленных речевых самопрезентаций. Реконструкция осуществлялась на основе анализа грамматической организации высказываний, стилистических средств, в том числе средств выразительности и способов аргументации, что позволило реконструировать основные принципы мышления политика, на которых базируется его образ мира.

Ключевые слова: образ мира, политический дискурс, интернет-коммуникация, лингвопсихология.

Проблема образа мира, активно разрабатываемая в психологии, как правило, рассматривается в контексте индивидуального мировосприятия и миромоделирования [1; 3; 4]. Так, А.Н. Леонтьев связывал образ мира с деятельностью субъекта: «Защищаемый мной тезис заключается в том, что в психологии проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности. Что, иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в объективно реальном мире» [4, с. 254].

Однако, являясь феноменом индивидуального мировосприятия и миромоделирования, образ мира, несомненно, социально обусловлен, о чем справедливо пишет Е.А. Тарасов: «Самой существенной онтологической характеристикой ОМ, которая никогда не должна ускользать от внимания исследователя, является его сконструированность: ОМ – это социально сконструированная реальность» [6, с. 10]. Не противоречит сказанному понимание образа мира как индивидуального эмотивно-смыслового преломления социальной картины мира в сознании отдельного человека [5, с. 103].

Социум, задавая параметры структурирования образа мира, одновременно является пространством непрерывного диалога определенных образов мира разных людей. Сам

диалог может быть более или менее эксплицитован – в зависимости от активности позиции коммуникантов, но однозначно, чем более развитым и доступным становится медиaprостранство, тем больше людей может проявить себя в качестве актантов, формирующих информационный ландшафт социального пространства.

Информационно-прагматический взаимодействие в системе «социум – образ мира» значительно ускорился после массового распространения сети Интернет, и значит, процессы взаимовлияния указанных составляющих системы стали более заметны, а результаты – более ощутимы. Более того, распространение Интернета способствует формированию новой структуры социума, в которую прежняя встраивается, адаптируясь и претерпевая изменения. Интернет-пространство как гипертекстовая реальность, с одной стороны, является виртуальным, коммуникативным аналогом реального социума, но с другой стороны, стирает объективные социально значимые границы, благодаря чему традиционная структура общественных отношений «размывается» и заменяется закономерностями организации смыслов. Потому можно утверждать все большее распространение медиасреды, проявляющееся в текстуализации общественной жизни.

Конечно, не во всех областях человеческой деятельности на сегодняшний день одинаково заметно указанное сращение онлайн и офлайн реальностей, но традиционно чутко реагирующая на все изменения сфера политики уже немыслима без виртуальной реаллизации. А принимая во внимание тот факт,

что в пространстве социума определяется степень успешности любой деятельности, корреляция между образом мира медиаагенса и доминирующими смысловыми тенденциями интернет-социума становится показателем успешной/неуспешной социальной реализации этого агенса.

Образ мира политика в данном контексте в еще большей степени, чем у представителя любого другого профессионального сообщества, выходит за пределы сугубо индивидуально-личностного поля. Политический дискурс в силу своей публичной и злободневной природы обладает повышенной тенденцией к диалогизации, потому он органично и быстро стал частью медиасреды, а образы мира политиков превратились в ее компоненты. Объективированные в виде неподготовленных публичных выступлений, интервью, комментариев к событиям и т. п. образы мира политиков перестали быть только отражением состояния индивидуального сознания, они сразу встраиваются в интернет-полилог, вызывают массовый ответный отклик пользователей, а все это гипертекстовое многоголосье характеризует современный политический дискурс.

С данных позиций мы считаем не только возможным, но и актуальным изучение образа мира политика, выходя за рамки его индивидуально-психологического опыта. Кроме того, феномен образа мира как интериоризированной картины мира может изучаться вне поля психологического эксперимента – на материале речевой/текстовой деятельности субъекта, встроенной в живое диалогическое медиaprостранство. Указанный подход позволяет утверждать органичность филологических методов для исследования отраженного в Интернете образа мира политика, т. к. в филологии разработаны способы, дающие возможность выявить концептуальную структуру образа мира, опираясь на анализ функционирующих в интернет-пространстве медиатекстов.

Встроенность в интернет-дискурс вводит результаты исследования образа мира, определенное посредством политических вербальных текстов, в область лингвопраксиологии [2], что позволяет уже ставить вопросы об эффективности деятельности того или иного политика.

В нашей статье проанализирован образ мира Б. Немцова на материале стенограмм его

шести объемных интервью и ответов на вопросы в радиопередачах за 2007 год. Общий объем материала (слова ведущих и слушателей в анализ не включались) составил более 100 тыс. знаков. Мы остановились на интерпретации грамматической организации высказываний, проанализировали использованные стилистические средства, в том числе средства выразительности, средства и способы аргументации, что позволило реконструировать основные принципы мышления политика, на которых базируется его образ мира.

Понятийное пространство, которое выстраивает Б. Немцов с помощью используемых им языковых средств, прежде всего, основано на попытке передачи объективных закономерностей жизни, развития социума, экономики, принципы которых важно понимать для данного политика. Кроме того, для него оказывается важным умение логически оценить, исходя из этих закономерностей, возможные варианты развития ситуации и четко соотнести варианты причин с вариантами следствий для того, чтобы сформировать собственную позицию по обсуждаемому вопросу.

Об этом свидетельствует явное преобладание силлогистического способа организации высказываний. Этот способ может проявляться посредством использования логического синтаксиса, т. е. сложноподчиненных предложений, вскрывающих причинно-следственные связи между явлениями (причем часто встречаются именно причинная подчинительная связь); с помощью вводных слов и словосочетаний, подчеркивающих логику течения мысли, акцентирующих внимание на связи разных этапов рассуждения. Однако нельзя сказать, что политик отдает явное предпочтение какому-либо одному из формальных показателей логического типа построения фразы – все они уравниваются в речевом пространстве. Наиболее частотная характеристика такого способа организации речевой картины мира Б. Немцова – это именно смысловые признаки силлогизма, рассуждения: некоторые «посылки» и следующие за ними выводы, четкие определения обсуждаемых явлений и следствия, диктуемые отмеченными в определениях свойствами, и т. п.: «Для нас суверенная демократия – это цензура, это отсутствие правосудия, это басман-

ное правосудие. Для нас суверенная демократия – это грабеж регионов. Для нас суверенная демократия – это «кругом враги, Россия в кольце врагов». Это отсутствие выборов, превращение выборов в фикцию, в фарс и тому подобное. И мы должны понимать, что при таком государственном устройстве перспектив у России нет. Мы будем страной третьего мира».

Интересно отметить, что логоцентричность речи Б. Немцова обладает свойством очень сильной личностной окрашенности и эмоциональности, это заметно уже в вышеприведенном примере. Логика, организующая речевое пространство политика, как это парадоксально ни звучит, предметно-чувствена, конкретна, строится на фактах и личных переживаниях. Очевидно, что причинно-следственные зависимости для него не являются абстракциями, они воспринимаются как руководство к реальному действию и основаны на осмыслении и переживании конкретных событий, происходящих в жизни конкретных людей. И за подобного рода рассуждениями стоит в том числе собственный опыт и, можно сказать, личная вера в то, что утверждаемые причинно-следственные закономерности «работают» в действительности, и протест, такой же личностный, против игнорирования этих закономерностей: «Я задаю вопрос: может ли кто-нибудь, кроме СПС, предложить такой план решения пенсионной проблемы? Хоть кто-нибудь, включая нынешнюю власть, Путина, «Единую Россию», Миронова? <...> Таким образом, наш ответ – не давайте разбазарим Стабилизационный фонд, это и дурак сможет предложить, а давайте действительно создадим более эффективные предприятия за счет привлечения частных инвесторов, и деньги, вырученные от этого всего, давайте вышлатим пенсионерам. Этот ответ могут дать только либералы. Только».

Такая логико-эмоциональная позиция проявляется в заметном утверждении собственного Я как носителя определенного мнения, Я, доказывающего это мнение, опираясь на причинно-следственную зависимость всех явлений в мире, и исходя из этой зависимости дающего оценку – очень личностную и эмоциональную – происходящего. Такой подход заметен даже тогда, когда обсуждаются вопросы

партийной деятельности и внутрипартийных проблем: «Я с сочувствием и иронией отношусь к людям, которые, как кузнечики, прыгают из партии в партию. Для них, видимо, убеждения значения не имеют. Ну, Бог им судья. При этом я считаю, что люди имеют право на ошибку. Если кто-то ушел из партии и вернулся, а его предлагают не брать потом обратно, я считаю это юношеским максимализмом».

В данном контексте становится очевидным, что для образа мира Б. Немцова первичной значимостью обладают некие объективные законы – нравственные, социальные, экономические и т. п., – организующие жизнь каждого человека и общества в целом. Как следует из логики организации речевой материи политика, именно эти законы необходимо учитывать, выбирая стратегию поведения, а уже после них – остальные факторы. Опираясь на эти законы, каждый может прогнозировать развитие любой ситуации, соответственно, формировать свой взгляд на любую проблему и предлагать способ решения. И себя политик заявляет как человека, способного мыслить и поступать таким образом, – отсюда подчеркнуто демонстративное выступление (особенно в сложных случаях) от своего имени. Партия также для Б. Немцова – в идеале – предстает не как объединение во всем согласных друг с другом людей, а союз индивидуальностей, обладающих правом делать собственные выводы исходя из объективных «посылок» – отсюда признание нехватки самостоятельно мыслящих людей: «...к сожалению, у нас недостаточно сильных и ярких руководителей на местах, это характерно и для Санкт-Петербурга, и для Камчатки, и для Башкирии, и для Курска. Руководство партии интенсивно работает над тем, чтобы найти ярких и достойных людей, которые бы представляли партию на региональном уровне. Хочу отметить, что все-таки я не руководитель партии, поэтому узко-региональные вопросы, в том числе кадровые, следует задавать не мне».

Подчеркнуто личностный характер подтверждается анализом модальности речи Б. Немцова (отношения к тому, что он говорит). При общей сбалансированности модального фона (отсутствии явных доминант) предпочтению отдается именно выражению собственного мнения: «У нас есть шансы. В усло-

виях административного давления они могут быть снижены, но у нас есть шансы, и я считаю, что мы не вправе этими шансами не воспользоваться». Акцентирование на собственном видении ситуации обуславливает привнесение максимально субъективного компонента в определения, даваемые Б. Немцовым, в его оценки. При том, что в целом речевое пространство политика – как любое логоцентрическое пространство – стремится к объективности, нейтральности стиля (по преимуществу, используются нормированные литературные варианты), однако в ситуациях, в которых, вольно или невольно, проявляется личностная позиция политика, степень субъективности, экспрессивности, граничащие с категоричностью и желанием «заклеймить», возрастают максимально: «Я могу так сказать: вот это вот чванство и презрение к людям – это особенность нынешнего режима». Именно такие речевые ситуации соединяют в парадоксальное единство сугубо логический способ подачи мысли с конкретно-чувственным импульсом.

С феноменом логико-эмоционального речевого пространства Б. Немцова связаны и особенности использования образно-стилистических средств. В целом нельзя назвать речь данного политика образной по преимуществу – статистическим предпочтением явно обладают нейтральные выражения, которые помогают четко и ясно выразить мысль, обнаружить необходимые связи между явлениями, наметить прогнозы, изложить программы. Но такой подход отнюдь не свидетельствует об образной бедности языка Б. Немцова. В его речи минимальное количество штампов, стершихся образных средств и т. п., и используются они, очевидно, тогда, когда политик и не стремится «украсить» выступление. В случае же, когда такое намерение обнаруживается, Б. Немцов использует весьма нетривиальные фигуры речи. Вот, например, практически аллегорическая картинка, которую создал политик, чтобы охарактеризовать свое отношение к ситуации на Украине и в России: «Украина мне напоминает грузовик, который встал в весеннюю колею, а за рулем сидят три человека – Ющенко, Янукович и Тимошенко – и вырывают друг у друга руль. В кузове сидит 45 миллионов украинцев и русских. Естественно, их трясет, они стучат по кабине и го-

ворят: «Прекратите, надоело» и так далее. Действительно, это неприятно, но, тем не менее, грузовик движется в правильном европейском направлении, из колеи он не вылезает. Россия – это такой огромный грузовик, за рулем один человек, никто у него руль не вырывает, в кузове сидят 145 миллионов счастливых граждан, едут они по льду. Причем по льду, в отличие от колеи, можно ехать в разных направлениях. Только народ не чувствует, что лед может стать тонким. Например, нефть будет дешевле. Так что две славянские страны развиваются по-разному. И я уверен, что Украина, несмотря на все кризисы, которые ее потрясают, в целом добьется успеха, не быстро, может быть, за пять или даже за десять лет войдет в еврозону».

Б. Немцов также использует и традиционные средства выразительности, призванные усилить эмоциональность и убедительность его речи, – повторы и параллелизмы, устанавливающие ритм речи и приковывающие этим внимание собеседника, риторические вопросы и восклицания, яркие оценочные эпитеты (как всегда, лично окрашенные), разговорные конструкции и т. п.: «Я стоял у истоков СПС, и никто, даже мои политические оппоненты, не могут меня обвинить в том, что я менял партию. Я этого не делал и делать никогда не буду. Я свои убеждения не меняю»; «Я против идеи раздачи оружия в России, пока в России есть столько алкоголиков. Россия лидирует по такому показателю как насилие в семье. В каждой четвертой семье пьяный муж избивает жену, реже – наоборот. И такой алкоголик и негодяй будет иметь оружие? Вы что, шутите, что ли?»

Использует политик и иронию (в некоторых случаях степень критичности усиливает ее до сарказма): «Дело в том, что Юлия Владимировна, конечно, пламенная революционерка, харизматический человек и очень привлекательная женщина. Только будучи премьером в 2005 году, она за семь месяцев умудрилась цветущую украинскую экономику обернуть в кризис и, видимо, войдет в Книгу рекордов Гиннеса по скорости разрушительных действий»; «Вот, собственно, что такое суверенная демократия: было больше 100 миллионов избирателей – стал один избиратель. И вы знаете, как его зовут. И вот это

ощущение <...> есть у людей, поэтому, конечно, интерес к выборам будет снижаться, я согласен с экспертами».

Б. Немцов задействует для усиления собственных аргументов и аллюзивный план – параллели из истории, литературы и т. п.: «Если вспомнить, например, 1993 г., то с одной стороны был Ельцин, а с другой был Руцкой с Хасбулатовым – это было типичное двоевластие, которое закончилось гражданской войной... Мы помним двоевластии другого рода – Горбачев – Ельцин. Это противостояние закончилось, как известно, развалом страны, ГКЧП, и прочее. Более ранний пример двоевластия в нашей русской истории – отрешение Николая Второго от престола – опять-таки Гражданская война, смута, и прочее. И самый ранний пример – Борис Годунов и Лжедмитрий»; «Я хочу обратить ваше внимание, что критерии Путина к президенту и критерии народные сильно отличаются. А это значит <...> его могут в таком виде, такого умеренного и аккуратного Молчалина, могут не избрать».

Но, повторимся, данные средства выразительности не настолько многочисленны, чтобы можно было утверждать яркость и образность речи Б. Немцова; они демонстрируют его риторический потенциал, но не имеют самостоятельности как предпочитаемая языковая сфера, они поглощаются отмеченной ведущей мировоззренческой и одновременно риторической тенденцией к логичности и четкости изложения мыслей, без лишней символичности, «второго и третьего дна» и служат выражению его личностного отношения к обсуждаемому вопросу и конкретно-чувственного переживания всех обстоятельств, связанных с ним.

Таким образом, коммуникативное пространство, обуславливающее речевое поведение Б. Немцова, предполагает непрременную ориентацию на объективные закономерности жизни – и со стороны говорящего, и со стороны слушающего. Данная модель предполагает равноправное положение собеседников, т. к. все участники коммуникации находятся в одинаковой зависимости от этих объективных факторов и имеют возможность оценивать их и делать выводы, формировать собственную точку зрения (видимо, указанная коммуника-

тивная установка обуславливает минимум традиционных средств выразительности, приемов, рассчитанных на подчинение внимания слушателей, и, напротив, большое количество примеров такого типа речи, как рассуждение). Однако подобное равноправие, несомненно, являющееся знаком взаимоуважения между собеседниками, – в доведенном до логического конца виде не предполагает необходимой связи между коммуникантами, исключает векторную зависимость слушающего от говорящего. Коммуникативное ожидание того, что каждый способен увидеть все возможные для обсуждаемой проблемы следствия, стоит лишь только обозначить логические зависимости, исключает из диалога всех, кто не может обнаружить требуемые причинно-следственные связи. Тогда в коммуникативном пространстве Б. Немцова происходит разрыв – говорящий и слушающий перемещаются в параллельные коммуникативные реальности. И говорящий (вольно или невольно) начинает негативно относиться к оппоненту, непонимающему казалось бы очевидные законы, – отсюда такая эмоциональность, доходящая до несдержанности, сосуществующая с подчеркнутым логоцентризмом. Слушающий же, не оценивший дарованную ему ритором коммуникативную свободу выбора и не считающий очевидными все те аргументы, которые приводит говорящий, относится к нему как к человеку, не достойному доверия (отметим, что доказательность и убедительность – это не одно и то же, и для слушателя часто только доказательности бывает недостаточно).

В соответствии с указанными коммуникативными особенностями у Б. Немцова складываются отношения с аудиторией. У него есть образ предполагаемого союзника, «идеального слушателя», который способен самостоятельно мыслить: «...и мы надеемся на то, что люди умные, что люди ответственные и, главное, люди патриотически настроенные не хотят, чтобы Россия опять вернулась вспять, в «совок», в обман, в лицемерие, в ложь». Но сам политик считает, что таких собеседников явное меньшинство: «Я думаю, было бы честнее, если бы он поменял Конституцию и сказал «я вечно буду вами править, тем более, что вы этого хотите» – большинство граждан же хочет, чтобы он вечно правил. Ну, есть мень-

шинство агрессивное, наиболее продвинутое, которое против этого, но это меньшинство».

И нередко нападки «большинства» оцениваются политиком с явной агрессивностью, риторически это, несомненно, является стратегически неверным: «У нас в России две проблемы, одна из них – придурки. Вот всем, кто посоветовал уехать, хочу сказать – пусть они сами и уезжают, и тогда мы решим проблему придурков. Теперь отвечу не для них, а для нормальных людей».

Но справедливости ради стоит отметить, что Б. Немцову также удается и справляться со своим негодованием в адрес людей, связывающих явления по смежности (соположенности в пространстве и во времени), а не исходя из социальных, политических, экономических законов: «Понимаете, людей надо уметь слушать, во-первых. Во-вторых, надо понимать, что, конечно же, люди во многом дезориентированы, людей во многом зомбируют, все это ясно. Но в то же время есть умные люди, к счастью, и их немало». Видимо, именно исходное свойство образа мира политика – ориентация на объективные закономерности мира, в данном случае, на законы формирования общественного мнения, на особенности коллективного сознания и т. п. – становится внутренним мотивом переосмысления образа адресата и, несмотря на личные ощущения (возможное неприятие или обиду за непонимание), ставит Б. Немцова перед необходимостью привлечения на свою сторону людей, по мнению политика, с разным потенциалом свободы мышления («людей во многом зомбируют»). Перед Б. Немцовым как актантом политической реальности встала коммуникативная задача (это проявляется в его речи) – борьба с отрицательной инерцией общественного мнения по отношению к нему и к его партийным сторонникам.

Способы аргументации, предпочитаемые Б. Немцовым, подтверждают отмеченные тенденции. Наиболее частотным способом доказательства становится обращение к здравому смыслу, причем свою правоту политик представляет путем демонстрации соответствия своих замыслов законам, диктуемым экономической целесообразностью, социальной необходимостью и т. п.: «Мы говорим: ребята, нужно создать Фонд будущих поколений в размере триллион долларов за счет привати-

зации государственных предприятий, как то: Газпрома, Роснефти, Транснефти и так далее. Фонд будущих поколений размещается в ценных бумагах высокой защищенности и надежности. 5% – доходность в год, таким образом 50 миллиардов дополнительных денег в год можно получать (долларов, я имею в виду) на увеличение пенсий».

Неправоту оппонентов он доказывает, вскрывая логику их поступков, которая не совпадает с законами, диктуемыми целесообразностью планомерного развития страны: «...Поступает к ним такая жалоба от большого количества граждан – что отмена выборов губернаторов является нарушением Конституции... Далее Конституционный суд принимает решение о том, что это конституционно... <...> в 1996 г. было принято решение, что неконституционно отменять выборы губернаторов. Таким образом, впервые в истории КС признал свое собственное решение неконституционным и незаконным. И в соответствии с новой обстановкой – там была такая формулировка: «в связи с новыми реалиями» – взяли, и отменили. У нас нет суда независимого. Это значит, что у нас можно делать все, что угодно в стране».

Данный ведущий способ аргументации подкрепляется многочисленными фактами, цифрами, обращением к собственному политическому опыту, основное требование и к себе, и к своим оппонентам – это конкретика предложений, программ действия. Подкрепление своих тезисов многообразным фактическим материалом можно назвать одной из основных коммуникативно-риторических особенностей речи Б. Немцова.

Отдельно отметим, что Б. Немцов, как и многие современные российские политики, позволяет себе использовать такой способ дискредитации оппонента, как «аргумент к личности». И данная особенность ведения полемики также подчинена ведущей логоцентрической стратегии речевого образа мира политика: оппоненты «обвиняются» в намеренном нарушении неких объективных закономерностей или подозреваются в этом: «Странно, что этот вопрос – о деньгах – не задают партии «Единая Россия». Почему, когда речь заходит об оппозиции, финансирование которой значительно меньше, спрашива-

ют «откуда взяли деньги». А когда говорят о партии начальников тире олигархов, все краснеют и теряются?».

Итак, Б. Немцов с точки зрения его речевых стратегий предстает как политик-логик, следующий незыблемым для него принципам, признающий власть объективных законов над человеческим непостоянством и настаиваю-

щий на необходимости свободы мысли и выбора. Жесткость этих принципов нередко перерастает в коммуникативную деструктивность, риторический «снобизм» – в принудительное исключение многих коммуникантов, возможных сторонников, из числа способных вести полноценный диалог.

16.09.2012

**Исследование выполнялось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-34-01354)**

Список литературы:

1. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
2. Белоусов К.И., Зелянская, Н.Л. Лингвопраксиология и мониторинг Интернета (интернет-аудитория о «паспорте здоровья школьника») / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская. – Практический маркетинг. – М.: BCI Marketing, 2010. – №12 (166). – С. 22–40.
3. Зинченко, В.П. От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 141–149.
4. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
5. Мазлумян, В.С. Картина мира и Образ мира // Мир психологии. – 2009. – №4. – С. 100–108.
6. Тарасов, Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №8. – С. 6–10.

Сведения об авторе:

Зелянская Наталья Львовна, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, e-mail: zelyanskaya@gmail.com

UDC 81'27

Zelyanskaya N.L.

Orenburg state university, e-mail: zelyanskaya@gmail.com

POLITICIAN'S IMAGE OF THE WORLD AS A COMPONENT OF MEDIA ENVIRON (BASED ON THE SPEECHES BY BORIS NEMTSOV)

The article is devoted to reconstruction of politician's image of the world based on his public speeches – unprepared speech self-presentations. The reconstruction was carried out by analyzing the grammatical organization of utterances and stylistic devices, including means of expressiveness and ways of reasoning. This approach has allowed to reconstruct the basic principles of politician's thinking on which his image of the world is based on.

Key words: image of the world, political discourse, Internet communication, lingvopraksiology.

Bibliography:

1. Artemyeva, E.Yu. Basic Psychology of Subjective Semantics / E.Yu. Artemyeva. – М.: Nauka; Smysl, 1999. – 350 p.
2. Belousov K.I., Zelyanskaya N.L. Lingvopraksiology and the Internet-monitoring (Internet-audience about the «passport of schoolboy's health») / K.I. Belousov, N.L. Zelyanskaya. – Practical Marketing. – М.: BCI Marketing, 2010. – №12 (166). – P. 22–40.
3. Zinchenko, V.P. From the Genesis of Sensations to the Image of the World // A.N. Leontyev and modern psychology. – Moscow: Moscow state university press, 1983. – P. 141–149.
4. Leontiev, A.N. Selected psychological works: in 2 vols. Т. II. – М.: Pedagogica, 1983. – 320 p.
5. Mazlumyan, V.S. Picture of the World and the Image of the world // World of psychology. – 2009. – №4. – P. 100–108.
6. Tarasov, E.F. The Image of the World // Questions of psycholinguistics. – 2008. – №8. – P. 6–10.